



ВСЕ
ЧТО ОТ ТЕБЯ
ОСТАЛОСЬ

ужасы / мистика

Кати Беяз

Кати Беяз

Все, что от тебя осталось 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68398459

SelfPub; 2023

Аннотация

Антон Колесников волей судьбы научился выходить в астрал. Теперь он не любитель, теперь Антон профессионал. Более того, астральные путешествия становятся его работой. Теперь парень буквально живет на два мира: в одном он обычный студент московского университета, в другом – внештатный работник правоохранительных органов и верный помощник главврача психиатрической лечебницы. Антон видит то, что не дано увидеть другим. Он раскрывает секреты душевных болезней, а так же отправляется на места преступлений, дабы узреть детальную картину произошедшего. Антон способен узнать то, что не могут выявить даже самые современные криминалисты. Отправляясь в астрал, он становится непосредственным свидетелем. Колесников наблюдает за событиями, что поместились в небольшой отрезок времени. Времени, когда произошло убийство. Момент, в котором умер человек, а его душа заиклилась в одном из кругов ада.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Предисловие | 4 |
| Введение | 6 |
| Глава 1 | 10 |
| Стекла | 10 |
| Глава 2 | 28 |
| Чертова Мигрень | 28 |
| Глава 3 | 42 |
| Один австриец | 42 |
| Глава 4 | 59 |
| Окно напротив | 59 |
| Глава 5 | 74 |
| Восьмой уровень | 74 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 79 |

Кати Беяз

Все, что от тебя осталось 2

Предисловие

Роман "Все что от тебя осталось" является самой моей популярной книгой на данный момент. Она была скачена более тысячи раз и становилась хитом продаж. Первая часть дилогии переведена на английский язык и готовится к изданию.

Несмотря на, хоть и небольшую, но всё же историю успеха, эта серия остаётся для меня самой трудной в написании. Это действительно одна из самых тяжёлых для меня книг, и не только потому, что я изучаю множество литературы перед написанием, а ещё и, пожалуй, потому что половина из этих статей личные истории людей. Их путешествия в загробный мир, практики прыжков в астрал и тот страшный опыт, который некоторые из них там получили.

Здесь, как во многих остросюжетных передачах, хочется всех предостеречь: не пытайтесь повторить это дома.

Вывод, к которому я пришла закончив дилогию таков: из ада невозможно вернуться прежним. Не испытывайте судьбу, не проверяйте то, о чём в этой книге рассказывается. Чем больше я окуналась в данную тему, тем больше по-

нимала, как много ещё неизвестно. Помните, никакие знания не стоят психического здоровья и тем более жизни.

Желаю вам приятного прочтения и предупреждаю – будет страшно!

Введение

Перед Сорокиной заморгали яркие лампы больничного коридора. Трещание оголенных электрических проводов дополнилось звуком металлических колес. Вздрогнув, Яна осторожно выглянула в коридор. Лишенный дверей, тот был наполовину выкрашен в грязно-зеленый цвет. Краска местами облупилась, но оставшиеся её островки оказались исписаны непристойностями. Больничный коридор хранил в себе жуткие сцены насилия, что остались тут навсегда в кровавых отпечатках чьих-то рук и ступней. Сорокиной не хотелось выходить, но и оставаться в лифте не было частью плана.

В помещении никого не было, а стол, явно позаимствованный из морга, катился сам по себе. Сорокина ступила на подранный линолеум, который местами свернулся, и прислушалась. Замкнувшиеся позади двери лифта заставили подпрыгнуть на месте. Яна приложила руку к груди и звучно выдохнула. Она была во многих местах астрала. Девушке все-ррез казалось, что её уже ничем не напугать. Но это место словно читало мысли, выискивая в потаенных уголках сознания наиболее болезненные образы оживших кошмаров.

Страх больниц приходит из самого детства. Запах спирта, вид острых игл, скрип медицинских перчаток. Мольбы и крики, боль и брызги крови на белых халатах. Проси не проси, плач не плач, а доктор все равно сделает своё дело. Слов-

но он вовсе не человек, а машина. Один из стальных аппаратов, не знающих пощады. По крайней мере, Яне всегда так казалось. Намного позже пришло осознание, что эти хладнокровные люди наделены знаниями и возможностью помочь, избавить от мучений и боли, вылечить неизлечимое, и самое невероятное – вернуть к жизни. Ангелами или демонами, но они наделены особой властью, а значит особыми счетами перед всевышним. Сорокина никогда не видела в астрале ни докторов, ни медсестер. По словам Геннадия, здесь где-то бродят санитары – ангелы, забирающие отмучившихся в рай. Получается, все медицинские работники уже в раю? Хотелось бы верить...

Издалека донесся грохот цепей. Тяжесть и сила с которой ступал неизвестный, кажется, пробивала бетонный пол. По звукам тот, кто приближался, тащил за собой нечто тяжелое, быть может, даже посаженного на цепь плененного. Парализованная ужасом, Яна стояла как вкопанная.

«Беги! Скрывайся!» – кричало изо всех сил её сознание, но Сорокина не слышала.

Болезненное любопытство, неверие в надвигающуюся угрозу, отказ принимать реальность: чем бы это не было, девушка не готовилась к бегству. И только когда из-за угла возникла подпирающая потолок фигура, словно на исходе попыток заключенная в ржавые доспехи, Сорокина повернулась к лифту. Весь вид этого монстра вызывал в ней физическую боль и отвращение. Из металлических пластин торчали за-

крученные наживо толстые винты, из-под которых сочилась темная кровь. В руке страж держал старинное орудие, название которого Яна не помнила, однако точно помнила, что одним ударом шипованная сфера способна раздробить человеку череп. Она не смела смотреть выше. Всё, что ей было доступно – оглядеть стены вдоль лифта в поиске кнопки вызова, но её там не оказалось.

В нашем мире – если есть двери лифта, значит есть кнопка вызова. Но только не здесь, не в астрале. Яна бросилась в другой конец коридора, но, повернув за угол, наткнулась на обшарпанный бетон. Тут был тупик, принявший в свои объятия слишком многих, о чем свидетельствовали сотни следов от ногтей, хаотичные багровые брызги и разводы. Некто даже вывел в предсмертных судорогах «моли»... Но Яне показалось, что в слове не дописали окончание, ибо молить о пощаде стража даже не приходило в голову.

Грузные шаги приближались. Яна всё ещё не решалась смотреть. Его трёхметровая тень нависла над ней, зазвенели цепи и раздался свист. Моргенштерн, рассекая воздух, устремился ввысь. Секунда – другая, и тело Яны, каким бы оно здесь не было, наполнилось инстинктами. Оно вмиг развернулось, сгруппировалось и рывком метнулось в щель между стражем и обшарпанной стеной. Монстр повернулся и вновь замахнулся смертоносным орудием. Сорокина бежала по коридору, когда шипованный шар вонзился в бетонный угол над её головой. От грохота заложило уши, а лицо по-

крыла серая пыль. Она ринулась мимо стальных дверей лифта, не сразу узнав характерный сигнал для прибытия подъемника. Звуки отошли на второй план, вся ответственность за спасение легла на зрительный аппарат. Краем глаза Сорокина засекла, что двери лифта медленно поползли в стороны. Девушка сбавила скорость, не решаясь входить в кабину. Цепкая хватка до боли сжала плечо, и в следующий момент некто затянул Яну в лифт. Темная фигура мелькнула перед глазами – он сдвигал тугие двери. Вскоре последовал грохот стали о сталь. Однако, несмотря на удар, двери сомкнулись, а свет погас. За пару последних «светлых» мгновений, Яна смогла разглядеть лишь парня в черной байке, голову которого покрывал капюшон.

Глава 1

Стекла

«Лучше не интересоваться смертью, пока она не заинтересовалась вами...»

Смелого судьба никогда не отправит в чрезвычайно рискованный путь, ведь он там пропадет. Там, где только осторожный трус сможет выжить. У правдивого никогда не получится искусно соврать, где ложь является жизненно необходимой...

Комнату наполнило тусклое мигание лампочки. Больше ничего. Когда свет гас дольше обычного, казалось, он больше никогда не зажжется.

Антон свесил ноги с каталки. Он прищурился и осмотрелся, стараясь хоть что-то различить в темноте.

– Слишком темно, – пробурчал он и спрыгнул на пол.

Стопы пронзила резкая боль.

– Ах ты ж... – зашипел парень. – Попался так попался!

Цементный пол покрыл ковер из битого стекла. Корчась от боли, Антон стряхнул острые осколки и нащупал тапки. Вскоре их резиновые подошвы коснулись плитки, и Колесников выпрямился. Он осторожно ступил к двери, с каждым

шагом все больше морщась от неприятного скрежета.

Парень открыл дверь – впереди все так же одиноко моргала лампочка. Тут совсем не было окон и тот таинственный свет, которым озарялись улицы астрала, сюда не попадал. Все эти осколки принадлежали битым зеркалам, что некогда украшали стены заведения.

– Фонарик бы не помешал, – негодовал Антон, – хоть глаз выколи.

Внезапно во тьме что-то шевельнулось. Колесников замер и, напрягая изо всех сил глаза, присмотрелся. Тусклый источник света вновь моргнул, озарив возникшую из ниоткуда, фигуру. В углу стоял человек.

Черное тело, словно вылепленное из глины и обожженное огнем, застыло в неестественной позе. Огромный скол от доски слетел с потолка и пробил бедолаге голову. Размозжив лицо и выдавив глаза, он застрял гигантской занозой в виске.

– Фу, – отвернулся Антон, вновь уловив движение уже в другом углу.

Он поспешил пройти по коридору в зал дискотеки – туда, где по словам тети Маши, находился источник взрыва.

Заскрежетав тапками, подошвы которых окончательно покрылись стеклом, Антон двинулся вперед.

Дверей не оказалось вовсе. Вместо них лишь пара обглоданных пожаром досок. Колесников замедлил ход и ступил на поблекший пол. Вокруг небольшого возвышения круглые столики, за которыми все еще сидят посетители.

Сидят неподвижно, словно гипсовые фигурки, беспричинно застывшие в момент оживленного действия. Со стороны буфета слабо мигает тонкая полоска светодиодов. Антон медленно зашагал между столами. На их поверхности без труда различались цилиндры стаканов и гармошки салфеток. Прямоугольные сигареты и в редких случаях овальные тарелки с едой. Однако все покрылось пылью, стало серым, словно никогда не имело цвета, вкуса и запаха. Да и все эти люди уподобились предметам, словно ни единого дня не дышали, будто вовсе никогда и не жили.

Колесников подобрался к барной стойке. Чем ближе к танцполу, тем вольготнее фигуры. Один из грузных мужчин возложил ноги на стол, другой нагнулся до пола в попытке что-то достать. Антон протиснулся между спинками стульев, стараясь никого не задеть, когда его кто-то схватил за халат.

– Черт, – дернулся парень.

Всего в полуметре сидела девушка. Ее тонкие пальцы вцепились в махровый подол, а голова запрокинулась. Губы разъехались, обнажая ряды, таких же серых, как и все остальное, зубов, а глаза в экстазе заплыли под веки.

– Эй, дамочка, поаккуратнее с халатом! Это мой любимый.

Он театрально выдернул подол, как вдруг ее кисть отскочила от запястья и, ударившись о пол, рассыпалась в прах. Антон вздрогнул. Он поднял глаза на все еще застывшую улыбку и замер сам. Все вокруг казалось ему невыносимо

странным. И сколько бы раз он не спускался в этот мир, столь жуткого места астральный путешественник еще не видел.

Чем ближе к стойке, тем больше битого стекла и бесформенных ошметков. Когда Колесников, наконец, добрался до высокого стула, в полумраке кто-то вновь шевельнулся. Шорох раздался слева – именно оттуда краем глаза Антон уловил быстрое движение. Парень нерешительно повернул голову – теперь их черные тела, все как один, стояли у него за спиной. Они обступили ореолом, устремив черные угольки глаз на гостя.

– Ладно, – тяжело задышал Антон, – разобраться что к чему и проваливать!

Внезапно с хлипкой полки сорвалась увесистая бутылка и ударилась о пол. Подобно мини взрыву, резкий звук заставил плотно сжать веки и пригнуться.

А после тишина. Издалека приближалась ритмичная мелодия. Бас нарастал, пока не усилился до той мощи, что глушит любого, кто решится посетить подобное заведение в разгар ночи. Колесников открыл глаза.

По глянцевой плитке скользили неоновые огни. Антон выпрямился, не сразу смекнув, что оказался в переполненном людьми заведении. Как и полагается, прямо перед носом кто-то пронес пару пенящихся бутылок пива, а со спины пихнули локтем.

– Заказывать будешь? – рявкнул бармен, брызнув слюной из-под обгрызанной зубочистки.

Антон поморщился, оставив того без ответа. Обстановка казалась обычной. У шеста неумело крутились пьяные девицы, а вокруг пританцовывали захмелевшие работяги местных строек. В стороне туалетов у ярко-зеленого указателя кому-то били морду. У стеклянных дверей, ковыряясь в зубах, мило беседовали охранники. Близ колонок, подложив под голову куртку, спал человек. У заляпанных зеркал сексуально вытанцовывала пара.

«Кажется, все заняты своими делами... Кому тут надо подрывать что-то?»

Взгляд пал на парня. Он одиноко сидел за столом и разглядывал мутный стакан. Неуклюже достав из кармана зажигалку, посетитель постарался добыть огонь. На секунду у него даже получилось, и тогда пламя озарило до боли знакомое лицо.

«Я его знаю! Но откуда?»

Антон отвернулся, перебирая в памяти старых знакомых.

«Институтский друг? Кто-то из ребят со двора? Да, кто он такой?»

Колесников снова повернулся к старинному приятелю, но место оказалось пустым. Антон забегал глазами по танцполу, затем привстал, рассматривая толпу у входа. Он повернулся к колонкам и даже к заляпанному зеркалу, где танец давно перешел в оргию. Нет. Нигде нет. Испарился. Исчез.

Сутулый силуэт мелькнул в дверях уборной. Антон сорвался с места и, пробираясь сквозь толпу, направился за

ним. Танцующие в угаре неохотно расступались. Бугай и вообще не хотел пропускать. Колесников ступил вправо, качок загородил путь. С шагом влево вышла та же история. Антон начинал злиться. Он толкнул нахала и получил толчок в ответ. Попятившись, Колесников налетел на девушку с длинным маникюром, которым она незамедлительно впила ему в лицо.

– Да чтоб вы все... – вскрикнул он и, зажмурившись, перенесся на кафельный пол туалета.

«В аду горели...»

Хотел было добавить Антон, когда вовремя вспомнил, что все они и так в аду. И с этим, пожалуй, ничего не поделать.

В одной из кабин кто-то громко стонал, часто ударяясь о шаткую перегородку. И Колесников было подумал, что не за тем погнался, когда из дальнего угла раздался шепот.

– Я не хочу этого делать... – противился незнакомец.

Антон приблизился. Кабина оказалась заперта.

– Ты уверен в этом? – продолжал свой монолог парень.

Он выжидал ответ. Ему совершенно точно кто-то отвечал. Тот голос, который не суждено услышать другим. Тот, что говорит лишь в его голове.

– Сам знаю... Мы так долго готовились! Нет, я не трус... Я все понимаю...

Он замолчал. Затем зашуршал пластиковым пакетом и отворил щеколду. Антон на миг растерялся, но вскоре бросился к двери и, выйдя в шумный зал, занял темный угол близ

зеркал.

Парень вышел, поддерживая низ черной байки. Вероятно именно там, под его толстовкой, скрывался пакет со взрывчаткой. Колесников последовал за диверсантом. Его задача вовсе не остановить психопата. Антон должен всего лишь посмотреть ему в лицо, чтобы, проснувшись, суметь составить словесный портрет.

Черная фигура ускользала, умело лавируя между столов и, потерявших координацию, посетителей злачного места. Антон столкнулся с очередным нетрезвым, на которого теперь не было ни сил, ни времени. Тот встал в боксерскую стойку и мячиком запрыгал на месте.

– Господи, – Колесников закатил глаза.

Он сощурился и, сосредоточившись лишь на одной точке, снова перенесся. Теперь до черной байки рукой подать. Антон шагнул вперед и сорвал с головы капюшон. Парень обернулся. Все замерло. Музыка низким басом вытягивала несколько зависших во времени нот. Танцпол, еще секунду назад извивавшийся, словно клубок червей, вмиг стал неподвижен. Ровно, как и весь зал. Бармены, боксеры, охранники, работяги со стройки в забвенном угаре – никто более не шевелился. И только для мирно спящего у колонки, кажется, ничего не изменилось.

Такого не случалось. Не случалось никогда. Но даже этот феномен, который еще только предстояло изучить, отходил на второй план. Антон смотрел в лицо человеку, глаза кото-

рого заволокло черным дымом. И эта темнота затягивала самого Колесникова, парализуя и гипнотизируя. Он отчаянно пытался перевести взгляд на нос или губы, на подбородок, лоб или брови, но не мог. Мрак всецело поглощал его.

Внезапно все вокруг принялось направленно лететь. Летел и Антон. Все вмиг ускорило, словно по воле диджея времени, что держал свой палец на пластинке, а после отпустил.

Очнувшись на полу у стены, Колесников поднял глаза – на него неслась волна из осколков, обломков и пыли. Антон закрыл лицо руками. Его вновь прижало к стене, только на этот раз зеркала позади разорвалась, словно были напичканы динамитом. Колесников лежал на полу. В тяжелом воздухе все еще моросил дождь из мелкого стекла. Он переливался брильянтовой пылью в единственно уцелевшем луче лазерного проектора. Потолок полыхал огнем. Рыжие языки пламени быстро пожирали белые квадраты пенопласта, оставляя черный смердящий дым.

«Просыпаться...» – почти чужой мыслью прозвучало в свинцовой голове.

– Просыпаться! – команда раздалась яснее, но мир не изменился.

– Каталка! Мне нужно обратно на каталку, – запинаясь пробурчал Антон и постарался встать.

«Если поверишь в этот ад, останешься в нем навсегда...»

Антон встал на колени и пополз к выходу. Тело болело.

Каждое движение приносило острую боль, что впивается в ослабшие мышцы. Со спины подбирался жар – огонь обгладывал двери. Смердящие тела покрылись черной коркой. Сквозь ее уродливые трещины проглядывала все еще живая плоть. Колесников потупил взгляд и постарался встать на ноги. Там за дверьми корчились от боли изуродованные взрывом люди. Кто-то истошно звал на помощь, кто-то безвольно стонал. И только самые везучие скончались на месте.

Парень выпрямился, но мучительная боль в животе вынудила согнуться вновь. Лампа над головой заискрила и, проборовшись насколько секунд, погасла. Холл должен освещаться языками пламени, но он погряз во тьме. Снова хоть глаз выколи. Из помещения дискотеки донеслось гроыхание. Оттуда, швыряя искореженную мебель, тяжелой поступью шел страж.

«Так! Теперь у меня точно нет времени...»

Антон, не чувствуя боли, сорвался с места.

Практически наощупь он добрался до противоположной стены. Где-то здесь врезана дверь в палату. И где-то там железная каталка – его собственная точка отсчета в этой карусели безумия.

Холодный крашенный бетон. Местами выбоины, где на пальцах остается крошка, а куски побольше безудержно падают. Они ударяются о пол, рассекречивая местонахождение астрального гостя. Внезапно вместо холодной стены руки нащупали слизкую плоть. Где-то здесь, на уровне груди, Ан-

тон распознал стук, до сих пор трепещущего под искалеченными покрывами, сердца. Тошнотворная вонь парализовала легкие.

– Твою ж... – зашипел парень, с трудом сдерживая приступ паники.

Он отнял руку и обошел препятствие. Позади нечто вломилось в двери, судя по звуку за раз выбив полстены.

«Откос, откос!»

Никогда в целой жизни Антон так не радовался дверному откосу. А когда он нащупал металлическую ручку, им овладело истинное счастье. Счастье спасения. Колесников ворвался в палату. Здесь натекло воды – на этот раз ровно по щиколотку.

– Долго я шлялся...

В свете мигающей лампочки он разглядел уплывающий тапок, схватил его и аккуратно положил на воду близ каталки. Ладони взмокли, и, чуть не поскользнувшись, парень неуклюже завалился на холодный металл.

– Три, два, один – выход!

Глаза затянуло болью от яркого света.

– Свет... – сморщился Антон.

– Василий, приглушите лампы! Он вернулся.

– Я точно вышел?

– Точно, точно, – тетя Маша заботливо укрыла племянника одеялом. – Холодно было? – она приставила ко лбу дуло электронного термометра. – 35 с половиной, тебя всего

трясет.

– Нет, жарко... Чуть унес ноги от стража...

– Опять тебя преследовал? – она взволнованно нахмурила брови.

– Каждый раз, если нахожусь там дольше обычного...

Дверь ГАЗели скрипнула, и в машину неотложки заглянул коренастый мужчина.

– Как он? – следователь Васильев шепотом обратился к Марии Павловне, игнорируя тот факт, что Антон вышел из транса.

– Я нормально, – вмешался Колесников, приподнимаясь на каталке.

– Видел его? Описать сможешь?

– Я...

Антон перевел взгляд на желтый свет фонарей, что отражались в темных лужах позади Геннадия Петровича. Там, за бетонным столбом, словно кто-то стоял. В черной байке, в гуще блестящих от дождя кустов. Словно... Невозможно сказать точно.

– Что там?

Тетя Маша тронула его плечо.

Парень вздрогнул. Он выдохнул и вновь поднял глаза на дорогу – никого.

– Показалось... – Антон потер глаза и переносицу.

– Так что? Запомнил его? Прислать художника? – не отставал Васильев.

– Я видел... Да, я видел его. Но мне надо время, чтобы вспомнить...

Отчего-то именно сейчас Антону показалось, что он непременно вспомнит диверсанта. Будет идти по улице, ехать в метро, рассматривать потолок перед сном и воспоминания придут к нему сами. Сначала место их знакомства, затем имя приятеля, а после и его лицо. Быть может, Колесников, даже вспомнит, где тот живет. И полиции не составит труда задержать подозреваемого и разыскать в его доме доказательства причастности к теракту.

– Мария, наши дальнейшие действия? – принимая от помощника пару стаканчиков с чаем, поинтересовался Васильев.

– Чай очень кстати, – она потерла бледные руки. – Пусть полежит еще, а потом отвезем домой и к себе.

Антон слабо улыбнулся. Было странно слышать от тети Маши подобные планы на вечер – сколько он ее знал, она всегда жила одна. Как вдруг из ниоткуда рядом с ней появился это заурядный тип ментовской наружности. Колесников надеялся, что такие только в питерских сериалах, но нет – вон они, ни на шаг не отстают от дорого тебе человека, но чувуют у него дома и в промозглый вечер подают горячий чай.

– Хорошо, я тут, совсем рядом! Закрываю дверь, опять начинается дождь... – Васильев поднял воротник черного плаща и, украдкой взглянув на небо, прикрыл дверь машины.

– Ты не любишь его? – тетя Маша помогла сесть.

– За что любить?

– Просто за то, что он у меня есть.

– Странно такое слышать от врача-психиатра.

– Вовсе нет. Если любишь меня, должен быть рад, что я счастлива!

– А ты счастлива? – тут же подхватил Антон.

– Да! – уверенно заявила тетя Маша. – Ладно, не томи!

Что там было?

– Там, – Колесников подул на чай, – там было жутко. Они все проживают свои последние минуты жизни и смерти. Как по кругу, все эти ужасы повторяются для них вновь и вновь.

– И никто не может выйти из круговорота событий?

– Нет, никто, – Антон отхлебнул чай. – А потом я увидел его. И погнался. Он говорил с кем-то в кабинке туалета...

– С кем?

– Сам с собой... С кем-то невидимым. Потом вынес откуда бомбу и направился в зал. Я подлетел к нему и снял капюшон. Он обернулся.

– И кто это? Ты увидел кто это?

– Нет... То есть да, но его глаза... Белки затмила чернота.

И эта мгла, она не отпускала меня. Я не мог сосредоточиться на чем-то другом. И время... Время сильно замедлилось, все вокруг застыло. Подобное не может сделать человек. Даже там, даже в астрале.

– Так он не человек? – тетя Маша напрочь забыла о чае.

– Я не знаю... Не знаю! Возможно одержимый. Но, если

он человек, то совершенно точно ему кто-то помогает...

– А как же маги? Ты говорил, что там могут жить сильные маги...

– Не знаю, – на выдохе произнес Антон. – Мне надо кого-то искать, чтобы прояснить ситуацию.

– Кого?

– Кто бывает там чаще, чем я...

Они замолчали. Тетя Маша уставилась в пол. Антон устремил взгляд в маленькие дверные окошки. По дороге колотил дождь, пролетая метеоритным дождем в желтых лучах фонаря. Колесникову стало душно. Казалось кровь прилила к лицу и вязкой жидкостью заполнила голову. Внезапно захотелось выйти на улицу и вдохнуть осеннюю прохладу.

– Не надо меня подвозить, я сам доеду.

– Перестань...

– Нет, правда. Хочу прогуляться.

Как только Антон покинул ГАЗель, в лицо ударил промозглый ветер. Даже с капюшоном на голове и в дутой куртке, ночной холод пробирал до костей. Пройти пару кварталов, а там спуск в метро.

На пустой улице появился автомобиль. Он осветил фарами полотно черного асфальта, согнав Антона на тротуар. Здесь в неглубоких лужах гнили опавшие листья. От кустов пахло сырыми корнями и землей. Ветки дрогнули, осыпав град из капель. Парень отскочил к бордюру.

– Совсем нервы не к черту, – пробубнил он и, сторонясь

зарослей, снова вышел на проезжую часть.

Позади послышались шаги. Возможно, кто-то в эту изморось точно так же спешит в метро. Антон обернулся. Черный силуэт прыгнул на бордюр и скрылся в тени пешеходной дорожки.

Шаги продолжились: четкие, размеренные, порой хлюпающие по лужам. Колесников ускорил ход, и незнакомец зашагал быстрее. Антон замедлился и человек присел, будто завязывал шнурки.

Совпадение? В животе холодом растекся страх.

«Что, если он выследил меня? Сейчас подойдет ближе и приставит нож к горлу. Приставит? Зачем ему меня пугать, если можно просто убить. Перерезать глотку и лишить жизни, как всех тех людей...»

Колесников не выдержал напряжения и сорвался с места. Он добежал до широкого проспекта и решил оглянуться. Позади в тусклом свете пустела насквозь промокшая аллея.

Затяжной гудок автомобиля. Антон, ослепленный фарами, дернулся в сторону. Старенький фольксваген с запотевшими стеклами пронесся мимо.

– Черт, – отдышался парень, – не психопат, так автомобиль... Соберись уже!

Он пересек проспект и вошел в опустевший двор многоэтажек. Здесь шумели изрядно пожелтевшие деревья, сцепившись ветками, словно пара греко-римских борцов. Где-то вдалеке под потухшим фонарем одиноко заскрипели ка-

чели. Колесников последовал по извилистой парковой дорожке. Озираясь по сторонам, он никого не видел, однако чувствовал. Чувствовал тот самый взгляд, что был способен останавливать не только время, но и спешный стук его сердца.

«Откуда? Откуда он смотрит? Быть может из того темного подъезда, где давно перегорела лампочка? А может, прячется за деревом?»

Ответ не приходил. И, пересекая двор, Антон все отчетливее ощущал пристальное внимание, которое скорее окутывало его, чем исходило из определенной точки. Он столько видел в астрале, столько пережил – такое вряд ли приснится даже безумцу. Что ж, возможно, именно поэтому Антон гораздо больше других боялся умереть. Там нет блаженства и рая, если их не было при жизни. После смерти мучения души не прекращаются. Они, вопреки ожиданиям, лишь закольцовываются в какой-нибудь из девяти кругов ада.

Средь чёрных веток замелькал красный значок с буквой «М». Антон не отрывая взгляда от указателя, поравнялся с качелями. С тех пор, как он вошел во двор, те ни на миг не замедлились. Какой странный ветер. Вдруг Колесников лишь краем глаза увидел ребенка. Кровавый значок в гуще веток расплылся, а дыхание сбилось. Смотреть или не смотреть – у тебя всегда есть выбор. И выбор Антона сегодня стал «не смотреть»...

«Что происходит?» – размышлял он, сбегая по широким

ступеням под землю. – «Неужели астральные визитеры ожили? Быть может их кто-то выпустил? Или я просто начал свой стремительный путь к сумасшествию...»

На перроне показались люди. Колесников выдохнул, встал на уши и облокотился о холодный мрамор.

Вскоре он сидел в вагоне. Поезд разогнался и, немного проехав на скорости, тут же начал торможение. Началась тряска, колеса издали визг. Спящий рокер напротив резко дернулся. Он приоткрыл заплывшие глаза и постарался сомкнуть раскрытый настежь рот. Работяга на расстоянии трех сидений зашуршал газетой и страдальчески вздохнул, судя по всему глубоко переживая проблемы сирийских беженцев. Еще женщина с набитой продуктами сумкой и старушка, кажется позабывшая, куда держит путь. Протяжно взыв, поезд остановился. В вагон зашел долговязый парень с алюминиевой банкой какого-то коктейля и отчего-то он не стал садиться. Прodelав несколько широких шагов, он вольготно облокотился на дверь. Машинист прошипел несвязную речь, и поезд тронулся вновь. Вагон качнулся. Свет заморгал, а затем пропал вовсе. Он зажегся лишь на мгновение, озарив темную фигуру в углу. Незнакомец, которого Колесников совсем не заметил, прислонился к турникету, скрестил на груди руки и притворился спящим. Притворился, потому что на самом деле неотрывно смотрел на Антона – из-под тени капюшона Колесников чувствовал все тот же пристальный взгляд.

– Эй, – он махнул долговязому, – ты его видишь?

– Чего?

Тот не сразу сообразил, куда смотреть. Свет моргнул и угол опустел.

– Чего тебе надо?

– Нет, ничего, – отмахнулся Антон, не спуская глаз с бардового дермантина сидений.

– Совсем того уже?

– Да! – отозвался Колесников. – Совсем...

Он запустил пальцы в гущу темных волос и закрыл глаза. Три года. Три долгих года он помогал голосам в головах пациентов тети Маши утихнуть. Замолчать навсегда. Он выходил в другой мир и наблюдал там за безумием с совершенно неожиданной стороны, с такой, которая не снилась ни одному психиатру. Он давал возможность заблудшим душам найти покой. Он помог следователю Васильеву дослужиться до капитана. Он так много знал о том мире, куда ходил словно на работу, и в то же время не знал ничего. Все наощупь, наобум. Казалось, сюрпризов уже не будет. Но вот – тот ящик Пандоры, что так внезапно появился. И успел напугать до смерти, еще даже не открыв своей злосчастной крышки.

«Выспаться и к Харону... Если доберусь домой!»

Глава 2

Чертова Мигрень

Мигрень. Яна убрала подушку и легла на спину. Так еще хуже. Теперь тисками сковало плечи, и малейшее движение грозило вызвать пронзающую боль, что была, словно разряд молнии, проходя по длинным веткам нервов от виска до ключицы. А веки? Ее тяжелые веки теперь с трудом поднимались и то лишь для того, чтоб разглядеть на тумбочке серебристый пласт таблеток и стакан воды. Уже давно ничего не помогает. Хотя, когда помогало? Приступ начинается внезапно и кончается лишь через двенадцать часов и ни минутой раньше. А до этого спасительного момента еще вся ночь! В переносице зародился новый очаг боли, выпуская ядовитые стрелы вглубь черепной коробки.

– О боже, – затаила дыхание Сорокина.

Нет, Бог тут не при чем. Он дал Яне здоровое тело, все началось позже. Лет так с четырнадцати. В одно прекрасное утро, когда внезапно вместо ласкового света солнце пронзило глаза острыми стрелами.

Никто не знает причину мигреней. То ли это защемленные позвонками отростки нервов, то ли гормоны, то ли излишний тонус кровеносных сосудов. Но если бы хоть что-

то из этого всего подтвердилось, то можно было разработать лекарство – одну пилюлю на всех, а таковой нет!

Единственная радость – за окном стемнело и дневной свет не режет глаза по-живому. Радость вторая – завтра суббота.

Уснуть. Просто уснуть, и даже если она очнется посреди ночи, то до утра будет значительно ближе.

Вдалеке проехала последняя электричка, заставив старое окно дребезжать. Пора бы сменить эти деревянные рамы на стеклопакеты, но пока что некогда. Яна совсем недавно сюда переехала – в квартиру, где не делали ремонт эдак лет 25. Если затевать смену окон, то уж вместе с полом. Вот наступит отпуск, и она этим займется... Электричка давно проехала, но гул остался. Отчего-то он и не думал стихать. Отчего-то он ломился в квартиру, сотрясая воздух.

«Что происходит?» – лишь успела подумать Яна, когда голову сдавило так, словно кто-то поместил Сорокину в герметичную упаковку. Тишина не дала облегчения, напротив, она давила, лишала мыслей и сжимала горло. Издалека удушающего безмолвия появился мерзкий писк – такой, что издают комары. Звук нарастал, заставляя Яну скрежетать зубами. До чего же неприятно, но Сорокина терпела, ибо ничего не могла поделать со звуковой атакой, что взялась невесть откуда. Писк вошел сразу в два уха и поселился где-то внутри лица. Яна чувствовала как, подобно стеклу, дребезжит ее нос, глаза и небо. Вибрация росла пока не раздался щелчок. Такой, что издают сильные натренированные к шелканью пальцы.

Неприятные ощущения исчезли. Исчезла вибрация, а вместе с ней растворилась нестерпимая головная боль.

Девушка нерешительно приподняла голову, затем плечи и села, опершись на руки. Как здорово! Ничего не болит... Удивительное чувство, которое испытывают почти все. То, что абсолютно никто не ценит, разумеется, до того часа, пока в гости не нагрянет боль.

Сорокина встала и прошла на кухню. Она подставила чайник к изогнутому крану и открутила вентиль холодной воды. Труба загудела, выдав под напором воздух.

– Что? Отключили воду? И без предупреждения! – хмурилась Яна.

А ей, как на зло, смертельно хотелось чая. Горячего, ароматного чая с сахаром и долькой лимона. Мозг устал от страданий и требует глюкозы. Или хотя бы жидкости, но, как на зло, даже графин для кипяченой воды пуст.

Там, за углом, круглосуточный. Маленький ларек, набитый доверху товаром, где с трудом разворачиваются два посетителя, чтобы не нарушить личного пространства, но постоянно нарушают. Вода там точно есть. Какая хочешь: без газа, с газом и даже со вкусом лимона.

«Кстати, который час?» – Яна подняла глаза на круглый циферблат, украшенный ветками черного винограда.

«Что?» – сощурилась она.

Настенные часы отчего-то лишились стрелок.

«Господи, где они?» – девушка поднялась на пальцах и

потрогала абсолютно ровный диск.

Что происходит? Яна подскочила к окну и взглянула на ночную Москву. Ее руки дрожали, отстукивая ногтями странный ритм по облупившемуся подоконнику. Город казался спящим. Хотя нет, спящим он мог показаться лишь заядлому оптимисту. Москва выглядела мертвой. Ни одного прохожего, ни одного автомобиля, ни одного горящего окна. Тусклые фонари озаряли широкий проспект, вдали кровавой меткой горел знак входа в метро. Яна попятилась, споткнулась о табурет и лишь благодаря тесной кухне в шесть квадратных метров удержалась на ногах. Минувя коридор она вновь была в зале. Рука сама потянулась к балконной ручке и мгновение спустя Сорокина почувствовала дыхание города. Ветер трепал пряди волос и тонкую футболку. Она перегнулась, стараясь увидеть ларек. Его вывеска покосилась, светодиоды нервно подрагивали, а вокруг ни души. Яна влетела обратно и подошла к тумбочке, где лежали таблетки, стоял стакан воды и покоился ее мобильный телефон. Она прошлась открытой ладонью по гладкой, лакированной и совершенно пустой поверхности.

«Где всё? Где телефон?»

От домашнего она отказалась, как только сюда въехала. Соседи? Что ж, попытать удачу явно стоило.

Не найдя ни обуви, ни сумки, ни верхней одежды, ни ключей, Сорокина вышла босиком на холодную лестницу.

«Как же отвратительно!» – Яна переминалась с ноги на

ногу, рассматривая кривые окурки в пыльных углах.

Мизофобия? Нет, Сорокина не была столь категорична. Она могла даже пожать чужую руку или ухватить засаленный поручень, но босиком она ходила лишь у себя дома. Друзья посмеивались, наблюдая как Яна вытаскивает из рюкзака тапочки, приходя на очередной день рождения. Ее избранники озадаченно чесали затылок, рассматривая специальную пляжную обувь, в которой Сорокина зачастую даже купалась. Что говорить, она рассталась с Ярославом лишь потому, что тот по утрам любил пощекотать пальцами ног ее ступни! А в остальном Ярослав был отличный парень. Сейчас, несмотря на всю странность происходящего, Яна застряла в тесном пятне серого бетона. Один шаг, всего один, и ты сможешь нажать на прямоугольную кнопку звонка. Давай же, к черту фобии.

Звонок не работал. Яна посмотрела под ноги и облокотилась на железную ручку. Та подалась вниз, забирая язычок из дверной коробки. В тонкой щели показалась полная одежды настенная вешалка.

– Эй, есть кто? – крикнула Яна. – Живой... – уже намного тише добавила она.

Ответа не последовало. Свет из спальни озарял цветастые обои и протертый паркет.

«Нет, по нему точно не пойду! Пусть что хотят, то и думают...»

Яна осмотрела вешалку. Взгляд наткнулся на белоснеж-

ные тапочки в прозрачной пластиковом пакете.

«Из отеля, одноразовые!» – она быстро разорвала упаковку и сунула в белую махру босые ноги.

Закатив глаза, девушка облегченно выдохнула.

Она шагнула к открытой двери, оповещая о своем приходе. Но никто не отвечал.

Две кровати, две тумбочки, на полу пара мужских тапочек и темно-зеленый халат.

– Как странно...

Это слово Сорокина употребила вместо «страшно». Зачем лишний раз говорить о том, что и так секунду назад растеклось каплями холодного пота по телу и добавило слабости коленям.

Судорожно оглядываясь и пугаясь собственной тени, Яна вновь подошла к входной двери. Она осмотрела вешалку и, позаимствовав просторный бежевый плащ, вышла на площадку. Прислушавшись, Сорокина робко ступила на бетон, но, не выдержав напряжения, рванула вниз. Последний пролет, а потом десять шагов в темноте и она на улице. Перелетая через ступеньки, Яна заметила странную надпись, что появилась, по всей видимости, этим вечером.

«Спасите наши души...» – писал шутник, жирно зачеркнув букву «д».

Яна засмотрелась и подвернула ногу, но ухватившись за перила, миновала падения.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять,

десять и я на улице! – судорожно шептала она, выставив вперед руки.

Однако, даже после десяти шагов ее руки подъездной двери не нащупали. Слева кто-то зловонно дыхнул. Даже не в щеку Яне, и не в макушку, а где-то выше головы.

– Одиннадцать, двенадцать, тринадцать... о господи, господи... – запричитала Яна.

Дрожащие пальцы коснулись холодной стали и, навалившись всем весом на ручку, Соронина вылетела на низкое крыльцо. Дверь медленно закрылась, оставляя за собой тайну жуткого дыхания.

Задыхаясь, Яна отбежала, но вскоре выпрямилась и осмотрелась. Пустые улицы, безжизненные окна такого знакомого ей двора. Хотя, едва ли знакомого – без тесно припаркованных машин это место выглядело совсем иначе. Оно неизменно напоминало детство, когда на весь многоквартирный дом в небольшом Усть-Илимске было всего 3 москвича.

Страх поутих и Яна зашагала мимо темных подъездов, ведь, чтобы тут не случилось, должен же кто-то еще остаться. Такой же напуганный, но уцелевший житель мегаполиса.

Дойдя до угла, Яна свернула с асфальта на вытопанную в газоне тропинку – кратчайший путь до минимаркета. Обклеенная стикерами дверь пропускала электрический свет, и Сорокина прижалась к стеклу, стараясь разглядеть кассира. Пусто! Снова никого! Но на полу обернутые пленкой бутылки с минералкой, так почему бы не взять одну.

Дверь скрипнула и, задержавшись еще на пару секунд, Яна проникла внутрь.

– Эй, есть кто?

Она присела и высвободила бутылку Архыза.

– Есть кто? – Сорокина отвинтила крышку и нерешительно замерла.

Вдруг это розыгрыш? За ней наблюдают, а то, что Яна делает – откровенное воровство. Тишина! И так хочется пить. Архыз зашипел и выпустил первую партию газа.

– Не умирать ведь от жажды! – Сорокина пожала плечами и сделала первый глоток.

«Жажда, и вправду, мучила...» – прикинула Яна, осматривая наполовину опустошенную бутылку.

Что теперь? Возьмешь питьевой воды и домой? Но как же злодыханная тварь в подъезде? Да и не мешало бы узнать, куда все подевались.

Мгновением позже Сорокина снова оказалась на улице. Она перешла совершенно опустевшую Краснопрудную и взглянула на шпиль Ярославского вокзала. Куда дальше? Яна побрела мимо темных арок и потухших магазинов, и вскоре остановилась около «Шоколадницы», где еще в обед ела лимонный чизкейк. Сорокина прильнула к витрине, осматривая кафетерий, как друг у кассы мелькнула темная фигура. Яна подбежала и дернула за массивную деревянную ручку, дверь не поддавалась. Припав к окну, она принялась стучать ладонями, пока в темноте не показалась пара крас-

ных глаз. Остолбнев, лишь секундой позже девушка попятилась и, наткнувшись на загородительный столб, упала на землю.

Существо быстро перебралось через столы и замерло по другую сторону панорамного окна. Черное обугленное тело выглядело неестественно тонким и, двигаясь с удивительной быстротой, совсем не походило на человеческое. Казалось, сердце Яны вот-вот выпрыгнет на асфальт, пока тварь перемещалась из угла в угол, пытаясь выбраться из кафетерия.

Опомнившись и вскочив на ноги, Сорокина рванула на противоположную сторону, но внезапно остановилась посреди огромного перекрестка. Куда бежать, и есть ли такие же существа поблизости. Взгляд напоролся на низкое здание спуска под землю, на крыше которого моргала кровавая буква «М».

«Туда?» – смутилась Яна.

В ходе последних событий, затея ей не сильно нравилась, но что, если люди прячутся именно там, под землей? Что, если Сорокина проспала апокалипсис, когда жителей города эвакуировали?

Яна неспешно подошла к мутным стеклам обшарпанных дверей. Длинные линии тусклых потолочных ламп указывали путь к эскалаторам. Из щели дунул сквозняк, что разгоняет поезд в подземных трубах, и в легкие влетел запах подземки. Человеку, никогда не бывавшему в метро, он вполне может показаться отвратительным. Однако для Яны, не мыс-

лящей жизни без подземного транспорта, он казался милее проспектной свежести.

Девушка нажала плечом на дверь и шагнула в полумрак. Она прислушалась – ни шагов, ни шепота, лишь низкий гул электричества.

Она прошла вперед и остановилась перед крутым спуском. Железные ступени были неподвижны, а желтый свет в плафонах нервно моргал. Сорокина прислушалась – тишина. Ни шагов, ни голосов. Лишь завывание ветра в трубах вентиляций.

«Возможно, не надо туда идти...» – пронеслось в мыслях.

Сделав уверенный шаг назад, Яна услышала за спиной глухой стук. Девушка взрогнула и с опаской оглянулась. Горбатая тень пролетела мимо мутных стекол, остановилась и подалась назад. Вгляделась в коридоры, словно почуяла кого-то живого. Не раздумывая, Яна сорвалась с места и побежала по неподвижным ступеням. Где-то на середине бесконечного спуска плафоны заморгали.

«Не к добру, не к добру... Это не к добру!»

Резко развернувшись, беглянка рванула наверх. В то же мгновение эскалатор пришел в движение. Теперь быстрые ступени не давали продвинуться даже на метр. Остановись она, и ее унесет на платформу. А потому, подобно хомяку в колесе, Яна бежала на месте. Она почти поверила, что неполадок со ветом не будет, как вдруг заскрежетала первая лампочка и тут же отключилась, дав команду всем остальным.

Один за другим плафоны гасли, оставляя Сорокину в крошечной тьме. С последним источником света остановилась и бегущая лестница. Огромное пространство станции погрузилось во мрак и гробовую тишину. Вцепившись в перила и зашагав наверх, Яна остановилась. Там, около касс кто-то тихо шагал.

Существо не ступало ровным шагом. Оно рыскало, перебегая с места на место подобно крысе. Крысе – в человеческий рост. Теперь только вниз! Быстрее, пуститься в бесшумный бег, и желательно не навернуться и не потерять отельные тапки. Каждая ступенька казалась последней, но не являлась ею. Где-то впереди раздался громкий щелчок и загудели генераторы. Проморгавшись, в туннелях зажегся кровавый свет аварийных ламп. От страха Яна перестала дышать, когда ноги все еще сбегали по крутой лестнице. Теперь она не оборачивалась, ведь наверху ее уже заметили. То ли каблуки, то ли копыта застучали по металлическим ступеням. Нечто приближалось – Сорокина чувствовала затылком. Она не слышала дыхания или сопов, ничего не выдавало в существо человека. Впрочем, даже звериными эти шаги было невозможно назвать.

Перепрыгнув три последние ступеньки, Яна выбежала на перрон и, не теряя ни секунды, спустилась на рельсы. Она пробежала несколько метров и, заметив узкий паз в стене, взобралась по скользким перекладам и прижалась спиной к решетчатой двери.

Цокающие шаги пробежались по мрамору и стихли. Оно слушало. Прислушивалось к малейшим звукам, способным выдать местонахождение кого-то живого. Того, кто из любопытства, а может по ошибке попал в мир мертвых.

Существо не шло в тоннель. Побродив по платформе, оно, кажется, сделало громадный прыжок, а затем вскарабкалось по эскалатору наверх. От этих звуков у Яны приподнялись волосы. Только когда все окончательно стихло, она выдохнула в ладони и постаралась смести с лица весь тот ужас, что успел в ней поселиться.

– Ты в коме? – послышалось со спины.

Сорокина резко обернулась и попятилась. Оступилась и тут же схватилась за торчащий из стены сломанный поручень. Она качнулась, чуть не выпав из бетонной выемки, но восстановила равновесие.

– Ты кто? – прохрипела она, словно зверь.

– Никто, – послышалось по другую сторону двери.

Говорившего скрывала тьма, но голос выдавал в незнакомце молодого парня.

– Так ты в коме? – повторил он свой вопрос.

– Я? Я не знаю, – совсем растерялась девушка.

– Попала в аварию? Может, болела долго?

– У меня был приступ мигрени. А потом головная боль прошла, но и вокруг все поменялось...

– Хм, в любом случае тебе бы не отходить от тела...

– Не отходить от тела? – лицо Яны скривилось – Ты... ты

считаешь, что я умерла?

– Не думаю, что умерла. Умершие ведут себя по-другому.

– По-другому? Как? Как они себя ведут?

– Послушай, мне некогда болтать, – внезапно отрезал незнакомец. – Возвращалась бы ты туда, откуда пришла. И чем быстрее, тем лучше. Мой тебе совет!

– Но там... там эти чудища, – голос Яны задрожал.

– А ты думаешь здесь их нет?

Парень припал к решетке. В Сорокину вонзился черный взгляд бездонных глазниц. От них по бледному лицу разошлись черные вены, а порванный рот навсегда застыл в уродливой улыбке.

Руки Яны лишились сил, вмиг сделавшись ватными. Пальцы непослушно обмякли, отпустив поручень. Онемев, Сорокина упала на дно тоннеля, ударившись головой о железно рельс. Она не шевелилась. Тело словно парализовало, а сознание поработил ужас. Наверняка ее позвоночник сломан, а голова пробита. И совершенно точно никто не придет ей помочь.

– Тебе лучше не лежать так, – снова заговорил он. – Тут редко, но все же проходит поезд.

– Я не могу... – Яна с трудом выдавливала звуки. – Встать...

– У тебя нет тела, – холодно заявил незнакомец. – Ты не способна ничего сломать. Боль лишь привычка сознания. Мне правда пора. А тебе взаправду лучше не лежать так.

– Пстой! – проскулила девушка.

Он ничего не ответил, но Яна отчего-то точно знала, что парень не ушел.

– Если я сплю, как мне проснуться?

Он промолчал. Затем раздалось эхо его шагов, которые вскоре остановились.

– Просто поверь в это! – напоследок бросил он и перешел на бег.

Глава 3

Один австриец

Антон проснулся резко, словно по щелчку. Он уставился в потолок, наискосок освещенный уличным фонарем, не понимая был ли звук, разбудивший его, или звука не было вовсе. Он не видел снов, что с недавнего времени казалось неоспоримым бонусом. Однако, проснувшись, он каждый раз сомневался – в нужном ли месте оказался. Определить помогли часы. Время – то, что стирается в лабиринтах астрала. Именно оно не способно существовать ни в одном из загробных миров. Время принадлежит исключительно живым, его нет для мертвых.

Будильник показал три сорок утра. Колесников с облегчением выдохнул и вновь закрыл глаза. Секунду спустя за окном робко скрипнули качели. Антон поднял веки и прислушался. Скрип повторился. Парень мог бы перевернуться на бок, накрыться с головой одеялом и постараться уснуть, вот только в его дворе не было качелей. В соседнем были, а в его – нет.

Сердце Антона застучало быстрее и отчетливее. Он встал и осторожно подошел к окну. Дождь прошел, но вместо него все покрыл тонкий иней.

«Снег? В конце сентября?» – напрягся Колесников.

Помимо скрипа, доносящегося неведь откуда, и белой вуали, в которую оделись мрачные силуэты деревьев, Антон не видел странностей. Но это вовсе не значило, что их не было. Он снова чувствовал, что кто-то следит за ним. Некто намеренно подозвал его к окну и наблюдает. Вопрос только зачем?

По спине поползли мурашки.

О, нет. Он не боялся скитаться в астрале. Прошло то время, когда он был новичком. Однако после дела о взрыве в ночном клубе, он внезапно почувствовал, как теряет контроль над ситуацией. Ему не на шутку казалось – образы из астральных кошмаров нашли червоточину и просочились в этот мир.

Он знал их всех, и теперь чувствовал кожей. Из-за дерева показалась черная фигура в байке с капюшоном. Тот самый парень, тот самый взгляд. Но что он здесь забыл? С какой целью преследует?

– Десять, девять, восемь, – Антон закрыл глаза и начал обратный отсчет, – семь, шесть, пять, четыре, три, – на счет три скрип качелей стих, – два, один! – Колесников открыл глаза.

Пейзаж не перестал быть унылым, однако лишился инея и наблюдателей. Колесников закрыл лицо и выдохнул в ладони.

– Ты выпадаешь из реальности, друг! – Харон схватил ме-

таллический чайник и подставил под кран.

– Выпадать это по-другому, – Антон взглянул в сторону настенных часов. Размеренное движение стрелок действовало успокаивающе. – Выпадать значит видеть тот мир фрагментами. На время становиться зрителем спектакля, но не его участником. Миш, меня преследуют. За мной приходят.

– Да погоди, может просто показалось. Суток даже не прошло.

– Хорош успокаивать. Лучше скажи, кто может охотиться на человека?

– Много кто, тебе с сахаром?

Антон кивнул.

– Удивительный ты человек, – продолжал Харон. – Ходить туда как на работу...

– Почему как? – Колесников поднял глаза.

– Ну, хорошо, ходить туда НА работу и не знать всей опасности. Это как ездить каждый день на сафари и при этом игнорировать львов.

– Я общаюсь исключительно с умершими, сотрудничаю с санитарями и убегаю от хранителя. И поверь, мне этого предостаточно.

– Верю, но этого недостаточно им. Кто-то тебя приметил. А может дорогу кому перешел..? – Михаил пытливо вздернул бровь.

Гость поднял со стола кружку, поднес к губам и тут же опустил. Его руки дрожали, а глаза бессмысленно уставились в пространство.

лись на плитку, которой была отделана кухня. Он ненавидел плитку. Особенно холодных бледных тонов. И электрические лампы, меняющие напряжение.

– Слышал про взрыв в «Шамане?»

– Ага, – подняв чайник, Харон застыл у столешницы, – ты этим сейчас занимаешься?

Колесников вновь молча кивнул.

– И как там?

Миша застыл. Он почти не двигался в надежде узнать о другом мире. Эксперт мечтал когда-нибудь написать о нем энциклопедию, но Антон каждый раз был немногословен. Тех сведений, что он давал, было недостаточно даже для дружеской беседы, язык не поворачивался назвать эти истории материалом для книги.

Впрочем, раньше Колесников был более открыт. Харон помнил во всех подробностях его первые попытки спуститься почти в самый ад, чтобы вывести оттуда заблудшую душу Жени. Но чем больше Антон спускался в астрал, тем меньше рассказывал.

– Там и до взрыва-то сущий кошмар творился, с после и вовсе сама преисподняя.

– Кто-то выжил?

– Парень один. Ожоги восьмидесяти процентов кожных покровов.

– Рассказывал чего?

– Нет, без сознания.

– А ты? – Харон, наконец, опустил чайник. – Что видел ТЫ?

– Я видел кого-то в черной байке с капюшоном.

– Только со спины?

– Нет, и с лица тоже, но...

– Что, но? – тут же подхватил Михаил.

– Но я не могу вспомнить лица. То есть... Я уверен, что знаю его, но словно кто-то намеренно стер его образ из моей головы. Понимаешь?

– Так, так, так...

– Осталось вспомнить откуда мы знакомы, и тогда Васильев найдет убийцу...

– А преследует тебя кто?

Колесников замешкался и ответил тише прежнего, будто стены могли его услышать.

– Он и преследует.

– Подозреваемый?

– Ну, да!

– А ты свидетель, получается?

– Угу...

– И как ты его видишь?

– Как, как... Своими собственными глазами.

– Как живого? – не унимался с допросом Харон.

– Конечно! А как еще?

Харон медленно опустился на табурет.

– Постой... Этот преследователь не тень и не воображае-

мый?

– Воображаемый? – сощурился Антон.

– Он вроде есть, а глазами его не видишь, но точно знаешь, что в комнате не один.

– Вижу его, как живого. Но знаю, что не живой...

– Вот так дела, – Харон хлопнул по лысой голове крупными ладонями. – Уверен, что не тень?

– Уверен!

– Дело плохо, друг! Дело плохо...

– О чём ты? – Колесников хмуро глянул исподлобья.

– Мы имеем дело не просто с астральной сущностью.

– А с чем?

– С демонической астральной сущностью. Только они способны принимать человеческий облик. Остальным такое не под силу.

– А как на счет взорвать клуб? Подобное этой сущности под силу?

– Эм, друг, преследовать одно, а взорвать ночной клуб совсем другое. Если он не только запугивает, но и действует, значит демон действует на пару с человеком. Подобный союз один из самых опасных...

– Союз? И много ты знаешь подобных союзов?

– Разумеется... Такое повсеместно! Поначалу демоны выбирают подходящую кандидатуру, потом втираются в доверие, а затем требуют мзду. И эта плата никогда не заканчивается. Демоны настоящие мафиози духовного мира, – хрип-

ло рассмеялся Харон, довольный удачным сравнением. – Но есть вариант взаимного сотрудничества. Он самый опасный.

– К примеру?

– К примеру, в истории есть очень яркий пример подобной дружбы. Один молодой австрийский художник долго уклонялся от армии. Он пустился в бега от военкомата, скитался по всей стране, не желая служить бок о бок с евреями, чехами и представителями других национальностей. Однако, как только началась первая мировая война этот парень добровольцем отправился на фронт. Он получил множество заслуг во время военных действий, по словам сослуживцев он и вправду не знал страха. Одним летним днем молодой человек лежал в окопе. Внезапно в голове солдата кто-то истошно закричал «беги!» Тот сорвался с места и, пробежав несколько метров, услышал грохот. Всю его роту уничтожила авиабомба. Это было одно из самых кровавых сражений в истории – битва на Сомме, когда за неполных шесть месяцев оказалось убито около миллиона человек. Несмотря на тяжелое ранение, наш герой остался жив. Именно тогда он впервые выиграл свой первый лотерейный билет от демона. Двумя годами позже в другой жесточайшей битве, где было применено химическое оружие, боец получил сильнейшее отравление газом. В результате тяжелого поражения нервной системы лишился зрения, и долгое время провел в психиатрической клинике. Именно там, по свидетельствам лечащего врача, он сильно бредил, подолгу общаясь с невиди-

мым посетителем. К парню вернулось зрение, в остальном пациент не шел на поправку, никто не думал о выписке, пока не прилетели новости о капитуляции Германии и свержении кайзера. Именно в ту ночь сильно расстроенный поражением, молодой Адольф заключил с демоном решающую сделку. Он быстро поправился, выписался и начал свой путь. Самый кровавый путь в современной истории.

– Прекрати, ты меня пугаешь!

– И правильно делаю, – Харон встал и подошел к окну. Он орлиным взглядом осмотрел двор и нервно отхлебнул чаю. – Если ты еще не напуган, то сейчас самое время... Другой яркий пример: российский поэт Владимир Муханкин, который больше известен как серийный убийца. Он совершил 8 жестоких убийств и написал более 80-ти стихотворений. Психиатры и филологи, читавшие его бессмертные творения, утверждают, что стихи не могут принадлежать одному автору. По стилю и ритму они написаны двумя людьми. Одни из них приписываются авторству самого Владимира: в них используются схожие приемы, примитивные рифмы и скромный словарный запас. Эта писанина по уровню сравнима со стихами восьмиклассника. В них автор обращается к человечеству, часто используя вместо «Я» местоимение «Мы». Остальные... Остальные принадлежат кому-то другому. Человеку более образованному, с высоким уровнем интеллекта и философским складом ума. Обращения в этих стихотворениях всегда ведется от первого лица к Иисусу Христу

и его последователям. Муханкин и сам не раз признавался, что стихи ему надиктовывали, а он лишь старался подражать мастеру. И убивать ему якобы приказывал голос в голове, во всех подробностях рассказывая план поимки и умерщвления жертвы. Однако, следователи быстро смекнули, что так ма- ньяк сможет избежать должного наказания и прекратили до- просы в данном направлении. А вот еще один...

– Хватит! – оборвал Антон. – Я не особо верю в это все. Бесы, демоны: мы ж не в средневековье живем.

Стараясь выглядеть спокойным, Колесников вздрогнул от звука лифта, что с грохотом остановился на площадке. Хар- рон заметил, но ничего не сказал. Он вытащил из пачки си- гарету и протянул Антону. Руки парня все еще тряслись. Он молча закурил и задумался.

– Значит дружба с ангелами тебя не подготовила к зна- комству с демонами? – не унимался Михаил.

Затянувшись, Колесников прикрыл веки. Его пальцы, на- конец, лишились тремора.

– Ангелы те же люди, – ответил он, – просто эти души смогли понять после смерти, где находятся. А затем ответ- ственно подойти к тому, что им поручили.

– Быть может, ты тоже после смерти станешь ангелом? – покосился Харон, приминая ко дну пепельницы бычок.

Поперхнувшись, Антон выпустил хилую струйку дыма, дотянувшись до металлической коробки с пеплом. – Тогда демоны, кто они на твой просвещенный взгляд?

– Если исходить из библейских трудов, это те, у кого своя правда, отличная от божьей.

– То есть, нашим языком, демоны это анархисты аутсайдеры?

– Кхм, – сглотнул Харон, – в каком-то смысле, думаю, да... И лучше не иметь дело с теми, для кого не существует ни принципов, ни правил.

– Так, что мне делать? – Антон потянулся за новой сигаретой.

– Лучше всего, конечно, вспомнить его лицо. Если подрыльника посадят, то демону такой напарник будет бесполезен.

– И как это сделать? – Колесников защелкал зажигалкой.

– Есть один простой метод в психологии: цепи воспоминаний. Надо начать рассказывать про тех, кого хорошо помнишь. И рано или поздно тот самый, что стерся со временем, проявится. Воспоминания это бесконечные цепочки, где каждое звено ведёт к другому. Начнешь с тех, кого помнишь, и наш подозреваемый непременно покажется, вот увидишь. – Харон забрал из рук гостя зажигалку, и с первого раза высек огонь. – Не припомню, чтобы ты курил одну за другой.

– Я тоже... – затянулся Антон. – В младших классах лучшим другом был Костик. Он хорошо лазил по деревьям и быстро бегал. Худой и гибкий пацан, прямо как Маугли. Денис сосед был полная ему противоположность. Упитанный,

краснощекий с баранкой в руках и сальным воротом. От него всегда пахло маслом, и мы прозвали его ватрушкой. Позже у нас была банда из шести мальчишек: Глеб, Володька и Олег. Мы всегда были вместе и почти не общались с другими ребятами. В старших классах с Мишкой и Пашей были не разлей вода. Ну, ты их помнишь.

– Может он был с параллели?

– Нет, не думаю. Мы все в форме ходили, а я его именно таким запомнил: в байке и черном капюшоне.

– А в институте с кем дружил?

– С Толиком и Женей. Больше и времени-то не было для новых знакомств. После пар я работал на стройке.

– Попробуй сосредоточиться на образе. Представь, что видишь перед собой этого парня в черном. Теперь сфокусируйся на фоне. Что позади него? Как там? Светло или темно?

– Так, погоди... – Антон почувствовал, как ухватил ускользящую нить воспоминаний. Он склонил голову и плотно закрыл глаза. – Светло... За ним стена бетонная, некрашенная. Послушай, у нас же на стройке пожар был! – Колесников с невероятным усилием вытягивал из себя относительно недавние события, которые, казалось, произошли слишком давно, чтобы помнить их хорошо и отчетливо. – Ну, конечно! Как я мог забыть?

Ответа не последовало. Антон поднял голову и разомкнул веки. Харона рядом не было. Линолеум под ногами вздулся пузырями и свернулся оплавленными краями. Стены почер-

нели, оконные рамы лишились стекол, а в воздухе серыми хлопьями застыл пепел.

– Черт, – ругнулся парень и тут же бросил взгляд на настенные часы.

Те здорово обгорели, лишились цифр, а обломанные стрелки безвольно повисли.

– Шестой, – процедил Антон и покосился на темный коридор.

Двери исчезли, вместо них остались висеть куски горелой древесины на покореженных петлях. Смольные языки окрасили некогда белый потолок, заставив оплавиться пластмассу светильников. Антон знал, шестой уровень хоть и выглядит пугающе, он не давит так, как это делает седьмой. А в сравнении с восьмым кругом, это место и вовсе можно назвать безобидным. Самое страшное, что может начаться от долго пребывания в нижнем астрале под номером шесть – атака собственных воспоминаний, которые словно водоворот начнут затягивать все глубже в депрессию. И, конечно, же страж, что охраняет место мертвых от визитов живых. Остается лишь один вопрос: как Антон сюда попал. Он не засыпал, не входил в транс. Он лишь на пару секунд закрыл глаза. Вот, что пугало парня в разы сильнее сгоревшей до тла квартиры. Быть может он умер? Вот так, просто сидя на табурете? Он слишком долго находился в стрессе, его руки дрожали, а вторая сигарета вполне была способна вызвать сердечный приступ.

И как, находясь в астрале, проверить, что ты жив? В том-то и дело, что никак!

Могло произойти все что угодно: утечка газа к примеру. И хоть запаха Антон не почувствовал, рвануть могло у соседей. Прямо за стеной – на такой же кухне, где они с Хароном сидели. А Михаил тогда что? Его могло выбросить взрывной волной из окна, мог остаться в живых, но скорее всего попал на другой уровень, а значит они просто не способны увидеть друг друга.

В любом случае все это лишь домыслы. И никто не может ответить Колесникову, что произошло. Никто, кроме санитаров. А их еще дождаться надо.

На площадке с грохотом пришел в движение лифт, а значит внизу его кто-то вызвал. Антон встал, ноги оказались без обуви, но в носках.

«Могло быть хуже...» – подумал он и, осторожно ступая по искореженному полу, направился в коридор. Обугленное дерево скрипело и под тяжестью шагов проваливалось, царапая кожу и впиваясь занозами. «Зачем я встал? Сидел бы себе и сидел...» – Антон оценил несколько пройденных метров, миг обнаружив – кухня пропала. Комнату поглотила пустота, и назад дороги нет.

«Тело переместили, – закусил губу парень. – Остается только гадать, куда меня отправили в больницу или морг? Хотя, если последнее, то искать физическую оболочку больше не имеет никакого смысла...»

Пробравшись к площадке, наполовину выкрашенной в неприятный коричневый цвет, Антон прислушался. Его сильно сбивало отсутствие дверей. Иногда дверных проемов нет вовсе – сплошные стены. А иногда, как сейчас, можно войти в любую из квартир. Но идти в их затемненные коридоры совсем не хочется. В каждой своя история, свои травмы и свои заблудшие души, которых Колесников не горел желанием видеть.

К сожалению, их слишком много: они везде и повсюду. Он знал: успокоить и проводить всех невозможно. Одни уходят – на смену приходят другие. Круговорот мучений никогда не кончается. Таков ад. Каков рай Антон не знал.

Внизу с грохотом остановился лифт. По полу, меся осколками бетона, кто-то вполз в кабину. Двери, в попытке закрыться, спешно зашлепали пока, наконец, не раздался хруст костей. Колесников вздрогнул. Вскоре затрещали стальные тросы, поднимая жуткого визитера или то, что от него осталось. Парень шагнул в сторону лестниц и тут же замер. Вместо ступеней зияла дыра. Весь пролет был словно вырван из здания. Из стен кривыми линиями торчали острые арматуры, коричневая краска отвалилась кусками, обнажив слои застарелой покраски, штукатурку и бетон. Там внизу все покрылось белым инеем, а с неба падал то ли пепел, то ли снег.

Пока Антон рассматривал зловещий пейзаж, лифт шумно остановился, кажется намереваясь обрушить последний этаж. Колесников сделал шаг назад, поглядывая на пустые

проемы квартир. Теперь у него есть только один путь отступления – побег в одну из них, что совсем не гарантирует безопасности.

Исцарапанные двери раскрылись, а из щели моргающего света появилась тонкая обугленная рука. Она тянула за собой по пояс отрубленное тело – такое же тонкое, черное и бугристое. Антон сглотнул и попятился. Стопы провалились в деревянный пол, что вновь впился острыми щепками. Колесников взвыл от боли. Оживший труп тем временем проворно цеплялся за пол площадки, быстро продвигаясь к новоприбывшему.

Высвободив ноги из острого плена, парень засеменял по бетону, уваливая от искривленных рук. Он метнулся в одну из квартир, когда из ее глубин послышался протяжный стон. Квартиры опасные места. Если там было много боли, они, напитавшись этой энергией, превращаются в ловушки. Так, заходя в одну из них, душа буквально попадает в утробу ожившему монстру. Он может держать свою жертву вечно, питаться ею, навязывать свою реальность. Такое Антон видел много раз. Обилие пленников в подобных местах неизменно сказывается и на живых, вынужденных волей или неволей пребывать в их стенах.

«Прошмыгнуть в лифт и на улицу...» – спланировал Антон, почувствовав щиколоткой липкую ладонь.

Заживо сожженная тварь вцепилась в икры и повалила с ног. Колесников сполз по стене, не в силах дотронуться

до обугленной плоти. Голова, потерявшая все человеческое, лишь щелкала челюстями, выпуская тягучие слюни.

– Аааа, – хрипом вырвалось из горла.

Теперь Колесников и сам тянул безвольное тело, цепляясь за оббитые косяки. Рука нащупала в темноте чужого коридора рукоятку чего-то тяжелого. Не раздумывая, Антон поднял предмет и с размаху всадил в изуродованную огнем голову. Молоток мягко вошел в череп и остался там. Из безвольной макушки, словно из действующего вулкана, потекла бурая жидкость. Монстр на мгновение замер и разжал пальцы. Не раздумывая ни секунды, парень вскочил на ноги и двумя прыжками пересек площадку. Он нажал кнопку с затертой единицей и прижался к стене лифта. Обугленный развернулся и неестественно быстро пополз вдогонку. Лифт загудел, неспешно закрывая двери. Черные руки переползли черту серого пола, продолжая скрести желтое покрытие кабинки. Раздался хруст. Двери захлопнулись, оставив единственные конечности кошмарного существа лежать на полу лифта.

Колесников сполз по стене и присел. Он закрыл лицо руками, чтобы не видеть жуткие трофеи, которые без хозяина все больше походили на пару черных веток. Антон обдумывал дальнейшие действия – куда пойдет, что будет делать, когда вдруг поднял голову и посмотрел на кнопки. Ни одна из них не горела, табло с нумерацией этажей инженерами тут тоже не предусматривалось. Но даже очень напуганный человек, потерявший счет времени, не мог не заметить – лифт

едет неестественно долго. Парень завертелся на месте – не окон, ни щелей. Куда он спускается? В самую преисподнюю? Паника нарастала. Антон принялся жать на все кнопки, но ни одна из них теперь не работала. Он со злобы ударил в двери, но в ответ кабина лифта лишь слабо качнулась.

– Давай же, останавливайся! – он подпрыгнул на месте, стараясь вызвать хоть какие-то изменения в движении.

Еще один прыжок, а потом еще. Удар с ноги в двери и снова со всей силы в пол. Наверху шелкнул один из канатов, лифт накренился. Спустя секунду шелкнул другой, отпустив кабину в свободное падение.

Прижавшись к полу, Колесников почувствовал как лишается веса. Как холодеют его ноги, как вылетает из груди сердце, как от ужаса лишается сознания разум. Даже зная, что ты уже умер, ощущение жизни не покидает. Даже после сотни выходов в астрал Антон все еще чувствовал весь спектр страха и боли. Так устроено наше сознание. Страх порождает боль – это равнозначно как для физического тела, как и для души.

Последовал резкий удар и грохот, вызвавший временную глухоту и паралич. Когда звон в ушах сменился жужжанием ламп, Антон открыл глаза. В облаке белой пыли моргал электрический свет. Такой яркий, что режет глаза наживую, порождая в висках мигрень. Сквозь приоткрытые двери виднелся длинный коридор больницы.

Глава 4

Окно напротив

Однажды Яна влюбилась. Сильно. Так сильно, что надолго потеряла покой. Она до сих пор помнит тот ненастный вечер. Сначала штормовой ветер пригнал тяжелые тучи, а затем загремели первые раскаты грома. Новая работа и стопки документов, которые нужно отсортировать и внести в архив. Нет, Сорокина не жаловалась. Ее обо всем предупредили. Мишка Груздин, экс аналитик компании, был душой коллектива. Он много шутил и готовил лучший в мире капучино, но совсем не работал. Парень настолько врос в свое место, что удалось его уволить лишь 6 месяцев спустя. Михаил ушел, забрав с собой годовую оклад и вытрепав нервы всему руководству. А еще он оставил гору невыполненной работы и целую бездну пустоты в офисе. Все до одного понимали – Мишка не выполнял и половины из того, что должен был. Но каждый скучал по парню и с недовольством поглядывал на новенькую.

Сорокина не претендовала на звание «работник года», но, чтобы взяться за свежие отчеты, ей необходимо было разобрать завалы старых. И девушка терпеливо работала, уже вторую неделю задерживаясь допоздна.

Полчаса назад офис опустел. А спустя еще тридцать минут небо резко потемнело и так же внезапно, словно старая труба, прорвалось дождем. По черепичной крыше застучали быстрые капли, а из приоткрытого окна ворвался сладковатый запах озона.

«При сильной грозе выключай телевизор!» – навязчивой мыслью прозвучал строгий отцовский голос.

«За 15 минут ничего не случится!» – там же, в мыслях, ответила Яна.

Яркая вспышка озарила помещение, после которой последовал жуткий грохот. Где-то совсем рядом со зданием заискрились провода. В следующую секунду раздался скрежет в розетке. Сорокина мигом захлопнула ноутбук, но тут же ощутила, как кто-то с неистовой силой оттолкнул ее от серебристой крышки. Тело отбросило в дермантин кресла, которое медленно откатилось назад. Тяжело дыша, Яна не сразу поняла, что с ней произошло.

– Я жива! – девушка тронула вздыбленные волосы.

В ту ночь сгорело три компьютера, два принтера и офисный холодильник. Причин для косых взглядов прибавилось. Теперь, сетуя на грозу, все умышленно или нет обвиняли Яну.

– Ну, и как мне теперь сделать копии? – затрясла бумагами Людмила, отчего-то устремив пытливый взгляд на Сорокину.

– Мне по чем знать? Спросите у начальства, когда приве-

зут новый принтер! – чувствуя ужасную неловкость, отмахнулась Яна.

– Новый! Все только деньги казенные тратить горазды, особенно когда не проработали тут и пары недель...

Девушка раздражительно цокнула, стараясь сосредоточиться на очередной таблице расходов.

Теперь она поднимала глаза реже обычного, вместо людей разглядывая круглое окно в торце огромного помещения. Там, за стеклом, виднелся обычный жилой дом, а с места Сорокиной можно было рассмотреть лишь одинокое окно незаселенной квартиры. Яна точно знала, что в хрущевке никто не живет. Полмесяца там не появлялось ни души, на окнах не было занавесок, и вечерами там никогда не загорался свет. Однако, сегодня в окне напротив показался жилец.

Потягиваясь в лучах утреннего солнца, он легким движением схватил с плиты железный чайник и исчез в тени. Вскоре вновь появился и чиркнул спичкой. Худые плечи и взъерошенные волосы почему-то надолго приковали взгляд Яны. Он мельком повернулся в фас и снова исчез. Но уже через мгновение появился вновь и застыл, рассматривая работницу офиса. Девушка тут же опустила глаза и покраснела.

«До чего неудобно-то! Наверняка, я бы так не таращилась, будь он в майке...»

Вскоре любопытство пересилило, и Сорокина снова украдкой подняла взгляд. Незнакомец исчез.

В тот день девушка чаще обычного посматривала под по-

толок, сквозь круглую раму, но парень пропал. Он не появился ни через час, ни даже к концу рабочего дня. Когда все разошлись, Яна заварила крепкий чай и подошла к рабочему месту. Она сильно устала. И не только сегодня: за все эти дни ни одного доброго слова, ни единой попытки помочь хотя бы морально, не говоря уже о вполне конкретном содействии.

Глубоко вздохнув, Яна посмотрела под потолок. В окне мелькнул знакомый силуэт, миг оживив усталый взгляд Сорокиной. Она отпила напиток и опустилась на стул. Жилец дома напротив готовил блины. Искусно подбрасывая их в воздух, парень позёрничал, время от времени поглядывал на Яну. Девушка расплылась в улыбке, но уже в следующее мгновение смутилась и растерянно уткнулась в монитор.

Незнакомец откровенно заигрывал. Вел себя легко и непринуждённо. Так, как никогда не позволяла себе Яна.

«Девушка должна быть скромна и учтива. Не красит ее и повышенный интерес к противоположному полу», – этому ее учили все детство и юность. Отличные рекомендации для той, что мечтает навсегда остаться в старых девах. Сорокину и саму что-то давно смущало в этой теории, и, набравшись смелости, она вновь посмотрела в окно. Парень растворился, словно его и не было.

Она досидела допоздна. Но на этот раз монотонную работу скрасило ожидание. Правда, ждала Яна зря – жилец напротив так и не появился.

Спускаясь по лестнице, закрывая офис, да и всю дорогу до

дома Сорокину не отпускали мысли о странном знакомстве. «Все самые важные встречи происходят случайно!»... «Все самые важные люди не покидают твоих мыслей уже после первых минут знакомства!» – запестрила новостная лента соцсети.

Как они, черт возьми, знают, о чем мы думаем? Почему в интернете непременно всплывает информация на злобу дня? А может все намного проще, и механизм этого чуда незамысловат? Прямо как в хорошем фокусе – ответ всегда лежит на поверхности.

Возможно, все дело в нашем мозге – именно он цепляется за вещи, способные успокоить нервные клетки своего владельца. Он самый ленивый орган, всю жизнь саботирующий работу тела. Вечно ищущий путь наименьшего сопротивления, отвлекающийся на все вокруг, и сосредотачивающийся за доли секунд под влиянием хорошей дозы кофеина. Не имеющий ни одной мышцы, но при этом обладающий огромной силой.

Сорокина не была влюбчивой. И сверхтребовательной, пожалуй, тоже не была. Но вот так, заставить ее о себе думать столько часов подряд был способен не каждый. Девушка и сама не понимала нахлынувшей симпатии. Издалека и лица толком не разглядеть. Хотя привлекало ее вовсе не это. Казалось, парень не маскируется, не старается казаться кем-то другим. И это подкупало. Начиная общение, ей всегда было интересно докопаться до человеческой души. Иногда этого

не получалось даже спустя годы. А тут...

«Как таких называют? Душа нараспашку?» – образ нового знакомого неизменно заставлял ее улыбаться.

Утром коллектив встретил Яну колкостями. Оказалось, что закончилась заварка, и отчего-то в этом была снова винювата новенькая. Притирки, притирки, притирки. Спустя время никто даже не вспомнит всех колкостей и издевательств. Девушка вольется в эту крокодилию реку, станет одной из змей этого гнезда и вполне будет способна дать отпор. Быть может, и сама начнет язвить в сторону вновь прибывших.

А пока – стиснуть зубы и, как ни в чем не бывало, заварить кофе.

– Скоро и Лаваца закончится! – развела руками импозантная Лариса.

– К 2050-му и питьевая вода закончится, – буркнула Яна.

– А я согласен, – взбодрился Кирилл, – надо прямо здесь и сейчас брать от жизни все. Ведь так, Яна?

По офису прокатилась волна смеха. Сорокина подошла к столу и замерла в удивлении. Темное окно хрущевки украсил яркий букет цветов. Сорокина медленно опустила кружку, ее губы непроизвольно растянулись в улыбке. Вскоре появился новый знакомый, и тоже с кружкой в руках. Он отпивал мелкими глотками горячий напиток, и без капли смущения разглядывал Яну. Девушкой мигом овладело приятное волнение, которое уже невозможно было скрыть.

– Ты кого там увидела? – не преминула поинтересоваться

Людмила.

– Никого, – Сорокина тут же потупила взор.

Она закрутила колесико мышки, бессмысленно разглядывая ряды бесконечных таблиц. Яна изображала интенсивную работу, мельком поглядывая на молодого человека.

Его лицо сегодня выглядело бледнее обычного, а волосы еще более растрепаны, чем вчера. Он ей напоминал Вилле Вало – солиста одной финской группы, в которого она по юности была влюблена. Совершенно ясно, что любовь приходит к нам через симпатию. В первую очередь, объект нас привлекает внешне. Однако, непонятно по какому принципу в сознании возникает тот самый образ – образ идеального партнера. Складывается ли он из окружения с самых ранних лет или с рождения заложен в генах? Но именно к такому: долговязому, худому, бледному – идеальному вампиру из готических фильмов – безотказно откликлось ее либидо.

Внезапно Сорокиной овладела тревога, но отнюдь не беспричинная. Казалось, еще мгновение, и позади появится силуэт девушки. Той самой, с кем у него вчера случилось свидание, и кому он подарил этот букет. Она подойдет ближе, обнимет его нежными руками и зацелованными губами начнет шептать что-то на ухо. Нет-нет. Яна этого не переживёт. Но мучительнее всего – ожидание.

Замерев в кресле, Сорокина продолжала смотреть. Парень по-прежнему был один. Он поднес кружку к стеклу, и пар вмиг оставил на окне мутное пятно. Внезапно в нем вы-

рисовалось сердце, а на лице незнакомца заиграла обаятельная улыбка.

День прошел на подъёме. Теперь Яну мало интересовало происходящее в офисе. Она погрузилась в работу, с трепетом в груди посматривая на милое окно. Парень в нем, как и полагалось, исчез, но ближе к обеду появился вновь. Сорокина достала бутерброд, когда ее друг принялся что-то готовить. Девушка оттягивала время, следя за каждым его движением, как вдруг молодой человек возник с двумя тарелками в руках, полными спагетти. Он махнул головой, приглашая отобедать вместе. Яна с трудом удержалась, чтобы не ответить на приглашение. Лишь мысль о двухдневном знакомстве вовремя остановила Сорокину. Повар пожал плечами и скрылся из вида.

Девушка корила себя до самого вечера. Только офис опустел, Яна склеила скотчем четыре белых листа и схватилась за черный маркер. «Прости, мы просто совсем не знакомы!» – написала она. Прикрепив послание к крышке компьютера, Сорокина вновь с головой окунулась в схемы. Она всерьез подумала, что спугнула юношу несговорчивостью, как тот появился вновь. На этот раз в его руках оказался кусок картона на котором довольно профессионально вырисовалась влюбленная парочка. Они сидели на скамейке, не в силах разомкнуть объятий. Челюсть Сорокиной от удивления потяжелела, а к щекам хлынула кровь. Чувства взаимны! Тяжелые оковы недоверия упали с сердца, открыв его

для новой любви.

На следующее утро Яна проснулась заболевшей. Ее тело ломило, голова раскалывалась от боли, а электронный термометр с первой попытки показал жар выше 38-ми градусов. Первым делом Яна подумала о милом друге, что понапрасну прождет ее целый день. Вторым – набрала Людмиле и взяла трехдневный отгул. Однако три дня растянулись до недели. Доктора прописали антибиотики и много жаропонижающих. Днем девушка развлекала себя любимыми сериалами, а ночью неизменно думала о возлюбленном. Таблетки не помогали, вирус плотно засел в ослабленном усталостью теле. В ту ночь температура тела подбиралась к 40-ка, а парацетамол еще не начал помогать, когда Сорокина внезапно почувствовала объятия. Такие нежные, но в то же время хорошо ощутимые. Где-то между сном и бодрствованием Яна была уверена, что это именно ОН обнимает ее. Сходила ли она с ума, попала ли чудом в будущее? На эти вопросы не было ответа. Лишь одно было неизменным – он лежал позади нее, обнимая руками, прижавшись к ее спине. А затем поцеловал в шею, от чего по ее коже побежали мурашки. Так продолжалось три дня. Черета странных снов. Запредельно нежных, трепетных, граничащих с реальностью.

Лишь только Сорокиной стало лучше, она не выдержала и явилась на работу. Новый знакомый был рад ее появлению. Утром в четверг он пил с Яной кофе, а ближе к полудню пригласил ее на обед. Девушка вновь ответила отказом – она все

еще не в форме для первого знакомства. Но парень не расстроился, напротив, он нарисовал новую картинку, полную смысла и трогательного романтизма. Они не спешили. Они ждали идеального момента для идеальной встречи. А быть может, их останавливал страх. И именно из-за него теперь каждый день казался недостаточно хорош для свидания, а влюбленные недостаточно готовы для знакомства.

Дождливая пятница стала исключением. Улицы зелене-ли, воздух наполнился ароматом весенних трав, и даже полное грозовых туч небо ласкало глаз. Сорокина поняла, что по-настоящему влюбилась. Это необыкновенное чувство довер-ху наполнило ее. Именно оно сделало мир ярче, воздух аро-матнее, а каждый грядущий день желаннее.

Удивительно и непостижимо, как возникает в нас столь сильное чувство. Кто решает, с кем и когда должна случится любовь. Реальны ли истории про шутника амура и его стрелы, или это проделки все того же мистера Брейна, что скры-вается в черепной коробке и мнит из себя повелителя всего сущего. И даже если тайну загробного мира возможно хоть немного, но приоткрыть. То природа и законы любви до сих пор остаются неясными. Попытки ученых сослаться на хи-мию, терпят крах в случаях любви на расстоянии. Биоэнер-гетики считают это чувство результатом слияния одной или нескольких чакр. Однако, ни один из подобного рода специ-алистов так и не смог их разьединить. По мнению нейробио-логов, существуют различные типы любви, которые прояв-

ляются с помощью определенных гормонов. Любовь – это гормональный коктейль. Что ж, как следствие, вполне сойдет. Но что нам известно о причинах? Ведь, зная мы причины ее возникновения, мы смогли бы этим явлением управлять. А о причинах даже в самых последних трудах по психологии и нейробиологи вы найдете любопытную запись: ответа на вопрос о том, что такое любовь, просто не существует!

В эту пятницу они смотрели друг на друга дольше обычного. По стеклам накрапывал дождь, размывая очертания их лиц. Он не приглашал на обед, он просто наблюдал. Незнакомец, который теперь стал ближе всех остальных, терпеливо ждал. И когда на экране телефона высветилась заветная цифра 13, Яна схватила со стула плащ и выбежала из офиса. Преодолев лестницу, она толкнула тяжелую дверь и оказалась на узкой улочке. Всего несколько метров, и она у торца кирпичного дома. Судя по окнам – второй подъезд с кнопками домофона, из которого, по счастливому случаю, выбежали старшеклассники. Третий этаж и заветная дверь. Даже когда девушка отдышалась, ее сердце все еще пыталось вырваться из груди. Рука потянулась к звонку, и, замерев всего на мгновение, Яна нажала белую кнопку. В квартире раздался резкий звук, а Сорокина сделала шаг назад, готовясь увидеть любимого. Дверь не торопилась открываться. Девушка прислушалась в надежде различить шаги, но в квартире было подозрительно тихо.

«Он не один? Играет со мной? Сейчас и выясним!»

Приятный трепет сменился волной гнева, и Яна снова нажала на звонок, продержав палец дольше обычного. Сердце разогналось за секунды, а в висках застучало. Внезапно справа от нее заскрипел замок, ручка опустилась, а в дверной щели появилось пухлое лицо соседки.

– Кого тебе надо, дочка? – подвязывая халат спросила женщина.

– Здесь живет парень... Мой друг, – отчего-то засмушалась Сорокина. – Мы договорились пообедать вместе.

– Пообедать? – нахмурилась женщина.

– Да, вчера он пригласил меня, а сегодня не открывает, – неловко улыбнулась Яна.

– Видать ты квартирой ошиблась, поищи в другом подъезде своего друга.

– В другом?

– Не живет тут никто. Уж как три месяца пустует.

– Погодите... – замотала головой Яна. – Тогда в каком подъезде окна на наш офис выходят?

– На ваш офис только один подъезд. И это наш. Свезло так свезло. Нас ведь никто не спрашивал, когда строили этот ящик. Дневного света из-за вас не видать.

– Пойдите, а этажом выше?

– Те хоть солнце видят, а у нас все кухни плесенью в вечной тени поросли, – гневно бросила женщина.

– Значит, он тут! Мой друг живет тут! Ну, парень темный... Худощавый, – Сорокина в надежде подняла брови.

– Жил тут пареньь.

– Что значит «жил»?

– Жил да умер. Машина сбила на перекрестке. Я ж говорю, три месяца пустая квартира стоит, никто не покупает. Никому ведь не охота в вечной тьме жить. Тут солнце только на какой час появляется утром, а потом уходит на другую сторону и тю-тю...

– Нет, нет! Здесь живет человек! Я вижу его каждый день, понимаете? Вижу из окна своего офиса!

– Господи, да что ты заладила. Говорю же, нет там никого. А, если бы был, я бы первая узнала. Ключи-то у меня, дорогуша.

– Я не верю... Вы не в своем уме! – девушка приблизилась к двери и снова нажала на кнопку звонка.

Тот отозвался все тем же неприятным звуком, сквозь который послышался голос соседки.

– Это ты! Ты не в своем уме! Вот ключи, – женщина, звеня связкой, вышла на площадку. – Заходи, смотри!

Яна шагнула за порог совершенно пустой квартиры. Здесь ее встретил лишь строгий орнамент коридорных обоев. Озираясь по сторонам, она прошла на кухню. Осторожно ступая, Сорокина подошла к окну. Тому самому окну, из которого на нее смотрел парень из грез. Девушка медленно повернула голову, осматривая плиту и покрытую слоем пыли столешницу.

– Ну, что, убедились? – раздалось со спины, когда Яну по-

вело в сторону. – Эй-эй, ты чего?

Женщина вовремя подхватила полуобморочную, и, усадив ее на пол, принялась махать подолом.

– Скажите, а он рисовал? – обмякшими губами прошептала Яна.

– Было дело. Комиксы парнишка рисовал. Талантливый был, такой открытый молодой человек и веселый. Всегда с улыбкой, даже когда с трудом перебивался.

– А звали как? – Сорокина подняла полные слез глаза.

– Володька, – ответила соседка и тут же себя поправила, – Владимир Петров... – словно отдавала дань уважения умершему.

Шокированная девушка вышла на улицу. Она не торопилась в офис. Мелкий дождь, отрезвляя, накрапывал на лицо. Все мысли спутались, а вместо цветущей любви возникла пожирающая душу пустота.

С тех пор Яна больше никогда не видела Володьку. Володьку Петрова, которого нет в живых, но который до сих пор живет в своей квартире. Вскоре она попросила передвинуть свой стол, ведь каждый раз, поднимая глаза, она невыразимо боялась. Боялась встретиться с ним взглядом.

Сорокиной хотелось верить, что Володя был первый и последний призрак, которого она видела. Однако, это оказалось не так. В различное время суток, в различных местах многолюдной Москвы то и дело появлялись странные люди. Такие, что не вписываются в общую картину. Те чуда-

ки, что надолго замирают посреди суетливого муравейника. Одетые не по погоде. Смотрящие куда-то вдаль. Наблюдающие за жизнью и сопровождающие живых. Призраки, застрявшие в этом мире. Ушедшие, которые так и не поняли, что навсегда ушли.

Глава 5

Восьмой уровень

Женщина поднесла дрожащую руку ко вспотевшему лбу.

– Сколько вы вкололи гидрокартизона?

– Не волнуйтесь, Мария Павловна, достаточно. Никому кроме реаниматолога эти цифры ничего не скажут.

– Боже мой, он чуть не умер... Это моя вина, это только моя вина, – зашептала тетя Маша, вытирая от слез щеки.

Медсестра лишь недоверчиво покосилась, проверила капельницу и взглянула на циферблат наручных часов.

– Вы тут еще будете? Мне надо к другим пациентам, – безэмоционально спросила она.

– Буду, – ответила Мария Павловна и накрыла руку Антона ладонью.

В ее ушах все еще стоял крик Харона. Он знал куда звонить, хотя, быть может, если бы позвонил прямо в неотложку, приехали раньше. На пару минут раньше, но все же. В таких ситуациях счет времени идет на секунды.

– Он на полу! Тело бесконтрольно дергается, глаза закатились, изо рта пена... – орал Михаил.

– Переверни на бок, вставь что-нибудь между челюстями, не дай им сомкнуться. Держи голову под наклоном, пусть

жидкость вытекает. Он может задохнуться. Следи за языком, чтобы не завалился, – тараторила она, набирая свободной рукой скорую помощь.

Все как во сне. Час – словно пара минут. Нет, время совсем не постоянно, как пишут в учебнике по физике. Оно, пожалуй, одна из самых переменчивых величин. Время в томительном ожидании способно растягиваться, превращая минуты в часы, и сокращаться до мгновений, когда мы желаем остановить его вовсе.

– Что произошло? – в палату ворвался Васильев. – Он жив?

– Жив, как видишь! Слава богу, жив!

– Как? Как это случилось? – следователь присел к ногам Марии и обнял ее за колени.

– Адреналиновый шок, – затрясла головой женщина, – он чего-то сильно испугался. Резкий выход организма из состояния нормы, когда внезапно понижается уровень сахара в крови, и мозговой слой надпочечной железы выделяет гормон эпинефрин. Из-за него животный крахмал в печени превращается в животный сахар, таким образом компенсируя катастрофические потери ресурсов. Так мы переживаем шок. Но адреналин... Адреналин это крайняя мера со стороны организма. Его спонтанный выброс разгоняет сердце до жуткой тахикардии. Начинаются сильные приливы крови, что провоцируют в свою очередь неуправляемые судороги. Эти симптомы совпадают с теми, какие бывают у диабетиков.

ка во время инсулинового шока, состояние пациента схоже с некоторыми формами эпилепсии. Поэтому когда меня спросили, что могло произойти, я не задумываясь ответила: он до смерти испугался.

Геннадий часто заморгал. Он явно ожидал другого объяснения, задавая вопрос.

– Мне очень жаль, – на выдохе произнес мужчина. – Когда он придет в сознание, мы обо всем узнаем...

– Когда, – ручьи слез по ее щекам потекли быстрее. – Никто не знает когда! Теперь он всю жизнь будет нуждаться в гормонах, поражение надпочечников необратимо. Но главное, разумеется, чтобы он пришел в себя.

Капитан полиции нежно взял ее за руку и вкрадчиво произнес:

– Маш, он вернется, он сильный...

– Нет, – она отдернула ладонь, – ты понятия не имеешь как там! Однажды... – ее голос на мгновение пропал. – Однажды я там была. Совсем недолго. Но мне хватило. И теперь я точно знаю: если Антон не вернется через три часа, мне нужно вытаскивать его оттуда. Так мы договорились. Еще тогда, в самом начале пути.

– Договорились это хорошо, – сглотнул Васильев, – только как он узнает ТАМ, что ЗДЕСЬ прошло три часа?

– Пока что нам удалось выявить два признака, по которым распознается время. Один это вода. Если она где-то протекает, то ее уровень будет постепенно увеличиваться. В их мире

вода подчиняется тем же законам, что и в нашем.

– А если нет воды?

– Если воды нет, то примерно через три часа за живым на том свете начинают охоту. Душа, связанная с физическим телом, выглядит для обитателей астрала иначе. И одно существо чувствует подобных туристов быстрее остальных.

– Кто? – свел брови Васильев.

– Страж!

Палата погрузилась на время в тишину. Все это звучало для Генадия странно, если не сказать эфемерно. Однако, множество раскрытых дел в его арсенале при непосредственной помощи Колесникова заставляли верить и в астрал, и в стражей.

– Маш, ну хочешь я туда пойду!

Она посмотрела на него сквозь слезы.

– Я в стольких переделках побывал. У нас отличная подготовка и стрельба каждую неделю...

– Гена! – оборвала Мария Павловна. – Там не надо быть героем. Смелость только мешает. Чтобы выжить в том мире надо быть трусом. Осторожным трусом. Понимаешь? Здесь ты знаешь своего врага, видишь его в лицо и можешь застрелить, если придется. А там... Там твоим врагом могут оказаться воспоминания, души давно умерших дорогих тебе людей и даже ты сам. Все слишком непредсказуемо для человека неподготовленного психически и морально. Нам нужен опытный проводник, для кого астрал знакомое место.

Геннадий тяжело вздохнул и взглянул на монитор с бегущим зигзагом кардиограммы.

– А этот парень, у которого он был?

– Харон?

– Ага, Харон, – саркастично вздернул брови Васильев.

– Он прекрасный теоретик. Однако совершенно теряется, когда дело доходит до практики.

– Ну а девушка, которую он вывел из комы? Как ее имя...

– Женя? Ох, не думаю... А вот Таня!

– Таня?

– Да! Конечно! Таня! Когда-то Антон был влюблен в нее.

Он рассказывал, что Таня каждую ночь вылетает из тела. Она профессионал. Правда она путешествует по верхним кругам, и я ничего не знаю, спускалась ли она в нижние миры. Но ведь всегда можно спросить? Ведь так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.